

Был настоящим трубачом

1

Вспомните картину, на которой изображен Пётр Первый, шагающий по берегу Невы. Огромный царь яростно печатает шаги. Выпуклый лоб, глаза навывкате, усы торчат, как проволочные, ноздри раздуты. Царь спешит. Свита еле поспевает за ним. И кажется, слышно, как гремят о камни тяжёлые, кованые, с пряжками башмаки и свистит ветер, развевающий полы густо-зелёного камзола.

Теперь представьте, что картина ожила. Заплескались невские волны, и в лицо пахнуло глубинным холодом. Рослый мужчина с вьющимися, как у Петра, волосами, шагает по набережной, держа в руке, вместо треуголки, фуражку защитного цвета с алой пятиконечной звёздочкой. Камзол ему заменила красноармейская гимнастёрка. А дальше – совсем не царские и не красноармейские – брюки навывпуск и остроносые штиблеты. По-настоящему царские у него только осанка и шаг – широкий и тяжёлый.

За ним, как на известной картине, поспевает свита, состоящая из двух человек: женщины и мальчика. Женщина невысокая, смуглолицая, с коротко подстриженными волосами по моде первых лет революции. Глаза большие, словно расширенные от удивления. За ней идёт, вернее, бежит мальчик, такой смуглолицый и большеглазый, что в нём без труда можно признать сына женщины. От отца же, который по-петровски шагал впереди, мальчику достались лишь вьющиеся волосы. На мальчике матроска с выцветшим голубым воротником и картузик, тоже выдавший виды.

Мальчика звали Котей, отца его – Николаем Леонидовичем, а мать называли просто Ксаночкой, без отчества.

Котя бежал, чтобы не отстать от родителей. При этом он всё время оглядывался, потому что по мостовой с дружным аппетитным хрустом шагал отряд военморов – военных моряков. Над белыми тарелочками бескозырок поблёскивали вороненые штыки. Ветер упруго надувал кумачовый транспарант со словами: «Смерть Юденичу!»

Котя смотрел на моряков, и его глаза загорались тайным восторгом. Он представлял себя идущим в строю с тяжёлой винтовкой, которую можно сколько угодно трогать и даже стрелять из неё по врагам. Может быть, это было бы несбыточной мечтой, если бы не событие, которое произошло час назад.

Все началось в узком дворе петроградского дома, что на Васильевском острове.

По этому двору расхаживал старый татарин с необъятным полосатым мешком за спиной. Задрав голову, он пел свою странную песенку:

Халат! Халат!

Костей, тряпок!

Бутылок! Банок!

Халат! Халат!

Котя подошёл к старьёвщику и спросил:

– Зачем вам кости и тряпки?

Старьёвщик выкатил на мальчика чёрные глаза и тихо сказал:

– Я всю жизнь собираю кости и тряпки... А теперь ни костей, ни тряпок.

В это время где-то на пятом этаже распахнулось окно, и папа на весь двор крикнул:

– Котя, быстро вверх! Тётушка дома!

Мальчик тут же юркнул в подъезд, провожаемый печальными глазами старьёвщика, который вслед ему снова пожаловался:

– А теперь ни костей, ни тряпок.

В заставленной вещами комнате в старинном плюшевом кресле бутылочного цвета сидела старушка – тётушка. Перед ней, как просители перед вельможей, стояли папа и мама. Из-за них выглядывал Котя. Он рассматривал тётушку со смешливым любопытством. Тётушка была маленькой, востроглазенькой, с сизыми колючими усиками по краям рта.

– Мальчик он послушный, – говорила мама про Котю.

– Слушается с полуслова, – добавлял папа, заискивающе глядя в глаза тётушке.

Котя же из-за спины родителей подавал тётушке тайный сигнал отрицательно качал головой.

– Я, соколики мои, еле ноги волочу, – отвечала тётушка, предупрежденная Котей.

– Он помогать будет! – с готовностью обещал папа.

Котя изо всех сил качал головой: мол, не буду помогать.

– Он и за хлебом ходит, и дома подметёт, – вторила папе мама.

«Не схожу! Не подмету!» – сигнализировал Котя старушке.

И та отвечала:

– Он больше намусорит, чем уберёт.

Было похоже, что Котя и тётушка находятся в тайном сговоре.

Тогда мама шагнула вперёд и с отчаянием сказала:

– Тётушка, дорогая, не можем же мы взять с собой мальчика на фронт!

А папа, для убедительности, протянул мандат с лиловыми печатями. Но старушка даже не взглянула на этот серьёзный документ.

– В другой раз! – решительно сказала она. – А теперь извините и увольте. Ты уж не обижайся на старую тётку, Ксаночка.

Когда удручённые отказом Котины родители покидали тётушкин дом, Котя оглянулся. Тётушка победоносно смотрела вслед уходящим. Котя кивнул ей на прощание и закрыл дверь.

Спустя некоторое время «Пётр и его свита» прошагали по Морской улице и остановились у дома с кариатидами – могучими каменными женщинами, которые на своих плечах держали массивный балкон. Женщины-кариатиды загадочно улыбались, словно были свидетельницами заговора с тётушкой и полностью поддерживали Котю.

– Здесь! – сказал отец, и это слово прозвучало, как команда.

Все остановились. Повернулись. Вошли в подъезд.

На третьем этаже, у дубовой двери, на которой висела потемневшая медная табличка с надписью: «Артист императорских театров Пётр Иннокентьевич Пархоменко», отец дёрнул за бронзовую шишечку, и где-то в глубине тонко зазвонил колокольчик. Гостям долго не открывали. Наконец послышались шаги. Щёлкнул замок, и дверь медленно отворилась. На пороге стоял тучный кудрявый мужчина в бархатном, давно не стиранном халате. В руках он держал тарелку и ложку. Артист императорских театров стоя ел суп.

– Здравствуй, брат! – воскликнул он трубным голосом и тут же отправил ложку в рот.

– Здравствуй, брат! – отозвался Николай Леонидович. – Ты с утра пораньше ешь суп?

– Не ем, а рубаю! – Артист вытер рукавом халата рот и захохотал. Его смех отозвался в парадном, как раскат грома. – Прекрасное изобретение революции – суп «карие глазки».

– Какие глазки? – спросила мама.
– Ксаночка? Здравствуй, девочка моя! – обрадовался артист. – И ты здесь? Суп из голов воблы. Объедение! Хочешь попробовать?
– Разве у воблы карие глаза? – неожиданно спросил Котя.
Артист перестал есть и уставился на Котю.
– Здравствуй, Шурик!
– Меня зовут Котя, – отозвался мальчик.
– Мы на фронт уезжаем, не с кем оставить его – сказал папа, незаметно подталкивая вперёд сына.

– Беспризорник, значит, – весело сказал артист императорских театров.
– Беспризорник, – подтвердила мама, лишь бы потрафить толстяку. – Ты бы не взял его на время?

Артист удивлённо посмотрел на маму, потом перевёл взгляд на Котю и сказал:
– Да я ведь сам беспризорник! Жена удрала на юг от голода. А я меняю брюссельские кружева на воблу.

– Ну да, – растерянно сказал папа, – конечно. Мы пойдём, Петя.
Все трое, не сговариваясь, повернулись и стали медленно спускаться вниз, а бывший артист императорских театров механически хлебал суп «карие глазки» и смотрел им вслед. И вдруг он громогласно крикнул:

– Стойте! Разве в Петрограде появился новый театр?
– Появился! – с нижнего этажа ответил ему Николай Леонидович.
– Героический рабочий театр! – крикнул Котя.
– Николай уже собрал труппу. У него мандат Петросовета. Мы едем на фронт! – крикнула снизу Котина мама.

– Когда? – Пархоменко сбежал на несколько ступенек, свесился с перил, расплёскивая остатки супа.

– Завтра утром, – ответил Николай Леонидович.
– А харчи давать будут? – Артист постучал ложкой по пустой тарелке.
– Как и всем бойцам, – ответил за отца Котя. – И мыло будут давать.
– Да здравствует театр! – на всю лестницу крикнул толстяк в бархатном халате. – Да здравствует революция! Я – с вами! Ура!

Трое, стоявшие на нижней площадке, крикнули «Ура!». Только очутившись на улице, папа и мама поняли, что их главная задача не решена: Котю пристроить не удалось, и он, по словам бывшего артиста императорских театров, остался беспризорным.

– Что же делать? – спросил папа и стал чесать затылок.
Мама сокрушённо опустила глаза. Котя посмотрел на каменных женщин. Они улыбались таинственно, как старая тётушка. Котя одобрительно кивнул им, словно они что-то шепнули ему, и сказал своим павшим духом родителям:

– Послушайте! Я придумал! Честное благородное!
– Что ты придумал? – уныло спросил отец.
– Я еду с вами на фронт! – ответил мальчик.
– Боже мой, – воскликнула мама, – какие глупости!

Но папа, похожий на царя Петра, директор Героического рабочего театра, был иного мнения. Он сказал:

– В этом что-то есть.
– Там опасно, – возразила Котина мама.
– Теперь везде опасно, – твердо сказал отец. – Революция в опасности!

И, не дожидаясь маминых возражений, он зашагал по Морской улице тяжёлыми шагами медного всадника, соскочившего с коня.

2

– Господин полковник, я получил известие от своего брата, поручика Воронова. Он авиатор, сбит красными под Гатчиной. Он ранен и скрывается на сеновале в деревне Панево.

– Кто вам сказал, что я полковник? Кто вы такой? Какого чёрта вы пришли сюда? Тучный мужчина в пальто с бархатным воротником и в фуражке железнодорожного ведомства, как коршун, навис над юношей.

– Я – юнкер Воронов. А про вас мне написал брат.

– Вашего брата следует разжаловать и судить военным трибуналом за разглашение тайны! – вскипел переодетый полковник. – А если бы записка попала к красным?

– Но, господин полковник, он же ранен. Он нуждается...

– Сейчас все в чём-то нуждаются! В Гатчину не сегодня-завтра войдёт Юденич.

Глаза юноши посветлели.

– Господин полковник, чем я могу служить нашему делу?

– Чем вы можете служить? – Полковник усмехнулся и уставился на молодого человека круглыми птичьими глазами и вдруг, уже мягче и спокойней, сказал: – Вы можете сослужить нам службу. Авиации нужна касторка.

– Что вы сказали, господин полковник? – Юноша с недоумением посмотрел на полковника.

– Я сказал – касторка.

Этот разговор происходил в саду Буфф, в зарослях сирени, неподалеку от старого кегельбана.

«Айзенбан» – по-немецки – «железная дорога». «Бан» – «вокзал». Кегельбан не имеет никакого отношения ни к поездам, ни к вокзалам: это взрослая игра. По длинному деревянному лотку пускают тяжёлые, похожие на пушечные ядра шары. Шары сбивают с ног кегли, которые, как солдаты, выстроены в конце лотка. Раз – и мимо! Два – кегля упала, но остальные стоят: попробуй сбей.

Вот возле этого кегельбана и очутился Котя в тот пасмурный летний день, когда было решено взять его с собой на фронт. Отец и его свита, которая к тому времени уже составила пять человек, отправились в соседний дом за шестым. Коте же наказали ждать в саду Буфф.

Когда-то здесь играла музыка и хорошо одетые люди расхаживали по чисто выметенным дорожкам сада. Теперь никакой музыки не было: в «раковине» для оркестра были сложены дрова, березовые и осиновые. Скамейки перевернуты вверх ножками, гондолы качелей куда-то запропастились, дорожки заросли травой, а кегельбан – гордость сада Буфф – потрескался, подгнил, на нем валялись один треснувший шар и две безголовые кегли.

Котя бродил по заброшенному саду. Он остановился у кегельбана, и тут до него долетел странный разговор двух мужчин о касторке.

– Я сказал – касторка! – пробасил густой мужской голос.

– Я готов отдать жизнь за Родину, – отозвался молодой, ломкий голос юноши, но мужской голос перебил его довольно резко:

– Нам не нужна ваша жизнь. Нам нужна касторка. Много касторки. Потому что без касторки ни один аэроплан не поднимется в воздух!

О чём они говорили дальше, Котя не слышал. Голоса перешли на шёпот.

«Без касторки ни один аэроплан не поднимется в воздух! – про себя повторил Котя и усмехнулся: – Разве у аэроплана болит живот?»

Он нагнулся и поднял с земли кегельный шар. Подержал его, размахнулся, и шар с грохотом покатился к двум обезглавленным кеглям.

– По буржуям! – вслед шару крикнул Котя.

Шар медленно приблизился к кеглям и остановился. У него не хватило сил.

Котя сбегал за шаром и послал его посильней. При этом он крикнул:

– По Юденичу!

Шар покатился куда-то вбок.

– Не попали в Юденича? – слышался за спиной мальчика ломкий голос.

Котя оглянулся. За ним стоял худой, высокий юноша с едва заметными калмыцкими скулами и с тёмными внимательными глазами.

– Не попал, – признался Котя.

– Разрешите, попробую.

Юноша взял шар, раскачал его, прищурил глаз и с силой пустил по лотку. Кегли упали как подкошенные. Котя улыбнулся.

– Кто вы? – спросил он.

– Граф Монте-Кристо, – усмехнувшись, ответил незнакомец.

– Настоящий граф? – удивленно спросил мальчик.

– Настоящих графов теперь нет. Как Вас зовут?

– Котя, – ответил мальчик.

– Меня в гимназии звали Икар. – Незнакомец протянул Коте руку.

Мальчик улыбнулся и прочитал стихи:

И сделал отец ему крылья

Из перьев, из воска,

Из ниток льняных.

Оба засмеялись.

– А Вы забавный молодой человек, – покровительственно сказал Икар, рассматривая Котю.

– Я артист, – отозвался Котя. – И ещё я пишу стихи. У вас есть револьвер?

Вместо ответа юноша полез в карман и вынул маленький, дамский, револьвер.

– Бьёт на двести метров, – сказал он.

– Можно подержать?

– Только осторожно. Заряжен.

Котя с замирающим сердцем рассматривал револьвер и даже прицелился в кеглю. Потом нехотя вернул оружие владельцу и спросил:

– А зачем аэропланам касторка?

Икар прищуренными глазами испытующе посмотрел на мальчика, но ответить не успел.

В небе, над макушками деревьев, с оглушительным стрекотом пролетел аэроплан. За ним тянулось белое облачко, которое, спускаясь к земле, оказалось листовками. Котя и Икар побежали по аллее за медленно летящим аэропланом.

– А я умею управлять аэропланом! – на бегу крикнул Икар.

– Честное благородное? – спросил Котя.

– Клянусь! Обо мне даже в газете писали: «Гимназист парит в небе...»

– А как же касторка? – вдруг спросил Котя.

– Какая кас... Вы слышали про касторку?

– Он чудак, этот гражданин, – засмеялся Котя. – «Самолёт не полетит без касторки»!

– Конечно, чудак, – поддержал его Икар. – Чудак и не совсем нормальный. Вы больше ничего не слышали, что он говорил?

– Не-ет, только про касторку.

Так они добежали до ворот. Котя нагнулся и поднял с земли листовку. На маленьком листе было написано: «Товарищи! Революционный Петроград в опасности! Все на фронт! Смерть Юденичу!»

– Я еду на фронт, – неожиданно сказал Котя.

– Вы? На фронт? – Глаза Икара загорелись. – Шутите?

– Честное благородное, – сказал Котя. – Наш театр едет. И меня берут. Тётушка отказалась от меня.

– Тётушка отказалась? – Этот довод, видимо, подействовал на Икара, он серьёзно посмотрел на Котю: – А Вы не могли бы мне составить протекцию?

– Я поговорю с папой, – тут же согласился Котя. – Но Вы не артист.

Икар покачал головой.

– Не артист. Но я могу... я могу быть при лошадях. У вас будут лошади, раз театр походный.

– Будут, – неуверенно ответил Котя. – Я поговорю с папой. Вы любите лошадей?

В это время у ворот сада Буфф остановилось несколько человек во главе с Котиным папой.

– Котя? Где ты? Не заставляй себя ждать!

Красноармейская фуражка молодцевато сидела на папиной массивной голове. В фуражке он сразу перестал быть похожим на царя, основавшего город на Неве.

– Папа, разреши тебе представить, это мой товарищ... Икар.

Молодой человек опустил голову и тут же вскинул её.

– Он хочет ехать на фронт. Он может быть при лошадях...

– Вы конюх? – спросил Николай Леонидович, вопросительно глядя на юношу.

– Не совсем... Но если надо... Я люблю лошадей. И потом... я не чураюсь никакой работы.

Николай Леонидович снял красноармейскую фуражку и вытер лоб платком.

– Хорошо! – сказал он решительно. – Завтра мы выступаем. Зачисляю вас в театр рабочим... сцены. У нас есть фургон, а кучера нет.

– Ура! Икар будет кучером! – воскликнул Котя.

Когда труппа будущего театра, уже насчитывающая десять человек, шла по набережной Фонтанки, Котя увидел, как по реке плыла старая баржа, заполненная тощими, оборванными ребятами. Они отталкивались от дна шестами и галдели от удовольствия.

Увидев Котю, ребята начали кричать:

– Эй, барчук! Ныряй! Плыви к нам!

– Я не барчук! – на ходу крикнул Котя. – Смерть Юденичу!

И ребята с баржи хором ответили:

– Смерть Юденичу!

И подбросили в воздух фуражки и картузы. Одна фуражка упала в воду.

3

В летний день 1919 года по улицам красного Петрограда двигались войска. Это тяжёлые подковы артиллерийских лошадей, как молоты, опускались на камни мостовой, а колёса орудий перекатывались с такой силой, что в окнах звенели стекла. Лафеты,

орудийные передки, зарядные ящики, повозки, походные кухни, выкрашенные в общий грязно-зелёный цвет, образовали грозный движущийся поток. Среди этого потока совсем инородным телом выглядел большой брезентовый фургон, расписанный яркими пятиконечными звёздами. Кроме звёзд, на фургоне красовалась надпись: «Героический рабочий театр».

Вместе с артиллерийским полком на фронт отправлялся самый молодой театр Советской Республики.

Белые войска генерала Юденича захватили Ямбург и Псков и приближались к Петрограду, Питерский фронт стал самым важным фронтом Республики.

– Эй, ездовые второй батареи, что вы там, заснули? Подтянись! Подтянись! – кричал командир ездовым.

– Но-о-о, сонные! – кричали ездовые лошадям.

Вздымалось облако пыли, из камней вылетали искры, и новая волна грохота оглушала прохожих.

Над городом реяли кумачовые полотнища с чётко выведенными словами: «Смерть Юденичу!», «Не отдадим врагу революционный Петроград!»

Этими словами город напугивал уходящих на фронт.

На одном из орудийных передков, рядом с грузным белобрысым красноармейцем, сидел смуглолицый мальчик в серой курточке и такой же кепке. Маленькие ровные брови высоко взлетали над глазами. Сами же глаза были задумчивыми и серьёзными, как у взрослого человека. Когда же мальчик улыбался, глаза его оживлялись и в них загоралось что-то озорное.

Это был Котя.

Перед началом марша командир полка сам привел его к запряжённому шестёркой лошадей орудию. Здесь, на передке, восседал немолодой боец в фуражке, надвинутой на самые глаза. Гимнастёрка и шаровары сидели на нём в обтяжку. Казалось, сделай он неловкое движение и обмундирование затрещит по швам.

– Принимай в расчёт бойца! – сказал командир артиллеристу. – Головой отвечаешь!

Вместо ответа боец приложил руку к козырьку и, как показалось Коте, не обратил на него никакого внимания.

Мальчик забрался на передок и сел рядом с неразговорчивым бойцом.

Раздалась команда «Арш!», заиграл оркестр. Полк тронулся.

Первое время Котя и его спутник ехали молча. Мальчик жалел, что ему попался такой угрюмый спутник. Неожиданно красноармеец, не поворачивая головы, спросил:

– Ты тоже артист?

– Артист, – ответил Котя.

– На голове стоять можешь?

– Не-ет.

– А шпаги глотать умеешь?

– Не пробовал.

– Что же ты умеешь делать? – разочарованно спросил боец.

Котя слегка подался вперед и заглянул ему в лицо.

– Я играю в спектакле. Сперва подношу патроны, а потом погибаю.

Боец долго молчал, обдумывал. Наконец со вздохом произнёс:

– Как солдат. Сперва подносит патроны, потом погибает.

– А я ещё стихи сочиняю, – доверительно сообщил артиллеристу Котя. – Не верите? Честное благородное!

И, не дожидаясь, как боец отнесётся к этому сообщению, продекламировал:

Возле цирка на Фонтанке
Продавал мужик баранки.
А баранки были с маком.
Отдал их мужик собакам.

Красноармеец опустил поводья, с нескрываемым любопытством посмотрел на Котю, протянул ему руку.

– Ящечкин, – представился он.

– Котя, – ответил мальчик.

Так они познакомились.

– А Вы наводчик? – спросил Котя.

– Замковой, – через некоторое время ответил артиллерист.

– Пушку на замок запираете?

– Не пушку, а снаряд... Засылаю снаряд в патронник, закрываю орудийный замок.

– А ключ от замка где храните?

Ящечкин недовольно покосился на мальчика.

– Это амбарный замок запирают на ключ, – сказал он и снова надолго замолчал.

В вышине раздался протяжный дробный треск. Из-за леса вылетел аэроплан. Он летел так низко над землёй, что его гул заглушал все звуки движущегося артиллерийского полка. На широких двухэтажных крыльях горели красные звёзды. От пролетающего аэроплана над колонной просвистел ветер и тень крыльев скользнула по траве. Котя привстал, чтобы лучше разглядеть военлёта, который перегнулся через борт кабины, но сильная рука Ящечкина вернула его на место.

– Не балуй. Свалишься на землю.

Обогнав колонну, аэроплан удалился в сторону фронта, а Котя провожал его округлившимися глазами. И губы его сами по себе уже шептали строчки будущего стихотворения:

Смелый красный авиатор

В бой ведёт аэроплан.

На войне всё неожиданно меняется. Обыкновенная изба может превратиться в штаб полка; школа может стать полевым лазаретом; площадь огневой позицией для орудий, а колокольня – наблюдательным пунктом.

Так пригородный вокзал неожиданно превратился в театр. На месте, где обычно висело расписание поездов, появился большой плакат: Героический рабочий театр. «ЗНАМЯ РЕВОЛЮЦИИ», драма в двух действиях, пяти картинах. Начало в семь часов вечера. БИЛЕТЫ НЕ ПРОДАЮТСЯ. ЗАПЛАТИМ ЗА БИЛЕТЫ ЮДЕНИЧУ – ПУЛЯМИ И СНАРЯДАМИ.

4

Перрон вокзала, превращённый в театральную площадь, заполнили красноармейцы, идущие на спектакль. Они шли с оружием, потому что когда рядом враг, то даже в театре нельзя расставаться с винтовкой.

Два бойца прикатали пулемёт. Дежурный – розоволицый красноармеец с рыжим чубом – преградил им путь:

– С пулемётом нельзя!

– Куда же мы его денем? Мы за пулемёт в ответе! – говорил один из пулемётчиков, оттирая дежурного плечом.

– С винтовками можно, а с пулемётом нельзя?! – поддерживал товарища второй пулемётчик.

– Вы ещё тачанку прикатите! – не сдавался дежурный.

Образовалась толпа. Задние кричали:

– Проходите! Эй, пулемёт, двигай!

В это время на перроне ударили в колокол. Но это не был сигнал к отправлению поезда. Удар колокола означал первый театральный звонок. Какой-то сугубо штатский старичок, неизвестно как очутившийся на станции, спросил дежурного:

– Поезд отправляется?

– Спектакль начинается, – ответил дежурный.

Старичок долго смотрел на него, растерянно моргая, потом оглянулся и увидел, что у перрона стоит бронепоезд.

– Спектакль начинается, – пробормотал старичок и вдруг пустился бежать.

Помещение вокзальной кассы было превращено в гримерную. Перед единственным зеркалом, принесённым из буфета, гримировались все сразу. Каждый старался протиснуться вперёд, чтобы вместо щеки не попасть палочкой грима в нос. Получалось забавное зрелище: в одном зеркале множество лиц.

Тем временем Котя сидел на круглой табуреточке кассира и лихо стучал компостером.

– Вам куда билет? В Рязань или в Париж? – спросил он маму, которая кончила гримироваться и подошла к сыну.

Мама задумчиво посмотрела на Котю и сказала:

– Мне билет до станции, где люди не стреляют в людей. Где много хлеба...

– И сливочного мороженого, – добавил Котя.

– И где дети ходят в школу, а артисты выступают в красивых театрах и в антрактах пьют чай с пирожными...

Котя задумался. Потом взял картонный билетик, сунул его в щель компостера и с силой нажал рычаг.

– Вот билет до станции «Победа революции».

А в зале ожидания вокзала, превращённом в зрительный зал, уже было полно народу. Красноармейцы сидели на полу, не выпуская из рук винтовок. И над их головами как бы вырос невысокий винтовочный лесок. Они курили, отчего над залом плыло устойчивое голубоватое облачко махорочного дыма.

На большом полотне, прибитом к стене, была изображена горящая тюрьма Бастилия. И казалось, синеватый дым плыл над залом ожидания не от многочисленных сигарок, а от пожара, изображённого на полотне. На перроне снова ударил колокол. И перед публикой появился Николай Леонидович.

На нём была свободная белая рубаха с широкими рукавами, синие шаровары и красный пояс, за который были заткнуты два старинных пистолета. В руке же он держал обычную винтовку, взятую напрокат у кого-то из красноармейцев.

– Товарищи! – сказал Николай Леонидович. – Рядом гремят пушки Юденича. Но мы, артисты Героического рабочего театра, не прекращаем своих спектаклей. Ударим по Юденичу пролетарским искусством!

В зале захлопали в ладоши и закричали «ура!». Штыки закачались.

– Сейчас мы покажем вам спектакль из времен французской революции. Автор драмы... я.

Николай Леонидович смущенно посмотрел на зрителей и поклонился. Кто-то крикнул:

– Bravo автору!

Но папа поднял руку. И зал притих.

– В этой драме восставшие санкюлоты, то есть пролетарии, штурмуют тюрьму Бастилию. Итак, начинаем спектакль!

Ударил колокол. И артисты вышли на сцену. Собственно, сцены не было. Была небольшая площадка, перед которой лежала перевернутая вверх ножками скамейка, изображающая баррикаду. Николай Леонидович исполнял роль командира, а Ксаночка, Котина мама, роль женщины-бойца. Бывший артист императорских театров, любитель супа «карие глазки», был бомбардиром, то есть артиллеристом.

Спектакль начался.

К о м а н д и р. Мы ждём подкрепленья.

Победа за нами!

Пусть мальчик поднимет

Трёхцветное знамя!

Ж е н щ и н а-б о е ц. Как можно ребёнка

Поставить под пули?

Не дремлют стрелки

Короля в карауле.

К о м а н д и р. Пусть знамя народа

Над улицей реет.

В ребёнка стрелять

И король не посмеет!

Б о м б а р д и р. Эй, маленький Пьер,

Подходи к баррикаде

И знамя держи.

Как солдат на параде.

К о м а н д и р. На гребень забраться

Ему помогите!

Б о м б а р д и р. Смотрите,

Он держится смело, смотрите!

К о м а н д и р. Ударьте, ребята.

По лбам барабанов.

В с е. Республике – слава!

На плаху – тиранов!

Гремели барабаны. Котя-Пьер стоял на перевернутой скамейке-баррикаде и изо всех сил размахивал трёхцветным французским знаменем. А в зале кричали «ура!» и подбрасывали фуражки с алыми звёздочками. В это время где-то за окнами раздался взрыв и стекла в зале ожидания мелко зазвенели.

Зрители решили, что так надо по спектаклю, и продолжали хлопать и кричать «ура».

Но дверь распахнулась, и возбужденный боец крикнул:

– Тревога! Боевые расчёты бронепоезда по местам!

Его голос утонул в грохоте нового взрыва. Где-то совсем близко рвались снаряды. И, стараясь перекричать грохот, зазвучали команды:

- Третья рота, на выход!
- Телеграфисты штаба...
- Сапёрный взвод...

Снаряд разорвался на перроне. В здании вокзала со звоном вылетели стекла. Погас свет. Кто-то вскрикнул.

Котя стоял среди этого невидимого водоворота людей и прижимал к себе знамя французской революции. Бегущие красноармейцы подхватили его и, подталкивая, увлекли к двери. Мальчик очутился на привокзальной площади. Вспышки рвущихся снарядов освещали белые стены вокзала и бегущих бойцов. Ржали лошади. Звучали неразборчивые слова команды. Грохотали кованые колёса повозок. Коте казалось, что все это происходит в невнятном тяжёлом сне. Ему мучительно хотелось проснуться и очутиться дома, в тихой комнате второго этажа, в которую с любопытством заглядывал уличный фонарь...

Мимо с грохотом промчался театральный фургон, и Котя успел разглядеть бледное лицо своего нового друга, подгонявшего лошадей.

- Икар! Икар, куда вы... – крикнул Котя.

Но Икар не услышал его голоса. Он погонял лошадей, и вскоре фургон скрылся в дымной тьме.

В это мгновение чья-то сильная рука схватила Котю и потащила за собой. Котя не успел разглядеть, кто его ведёт, не успел сообразить, куда его ведут. В следующее мгновение та же рука швырнула его на землю и тяжёлое, горячее тело в шершавой гимнастерке накрыло его. Раздался оглушительный взрыв, да такой сильный, что земля вздрогнула.

Когда взрыв утих, человек, прикрывший собой Котю, произнёс:

- Так без головы можно остаться!

Это был Ящечкин. Котя узнал его и облегчённо вздохнул. Откуда он взялся, как нашёл Котю в этом страшном водовороте? На мгновение Коте вспомнились слова командира полка: «Головой отвечаешь!» Это за него, за Котю, Ящечкину приказали отвечать головой. И он выполнял приказ. Нет, здесь дело не в приказе. Если человек прикрывает от осколков другого – это уже не из-за приказа.

Ящечкин вскочил на ноги, помог подняться Коте и побежал, увлекая его за собой. Они пробежали по окутанной дымом площади, нырнули в боковой переулок и очутились у артиллерийской повозки.

– Быстрее! – скомандовал Ящечкин и помог Коте забраться на облучок. Потом быстро отвязал коней и сел рядом с ним. – Держись крепче. Но! Но! Пошли!..

И повозка помчалась, подпрыгивая на ухабах.

Тут только Котя заметил, что в руках у него знамя – трёхцветное знамя французской революции. С этим знаменем он выходил на сцену и забирался на гребень баррикады.

За их спиной рвались снаряды.

Котя со своим спасителем уже мчался по просёлочной дороге, а мама металась по перрону и всех спрашивала:

- Вы не видели мальчика?.. Небольшого мальчика... Пропал мальчик...

Она не обращала внимания на близкие разрывы, на грохот бронепоезда, который вёл ответный огонь. Она искала сына.

Мимо пронесли носилки, покрытые одеялом. Мама бросилась к ним и, преодолевая страх, приподняла край одеяла. На носилках лежал усатый мужчина. Он был мёртв.

Мама снова вбежала в здание вокзала в надежде, что Котя от испуга притаился в каком-нибудь укромном местечке. Под ногами хрустело битое стекло. Бастилия на полотне пылала в полную силу, словно её подожгли не восставшие парижане, а снаряды белых. Коти не было. Тогда мама спрятала лицо в ладони и заплакала. Она плакала беззвучно. Только плечи её слегка вздрагивали, словно от озноба. И тут перед ней возник Николай Леонидович.

– Ксана?! Где Котя? Наши части отступают!

– Коти нет! Я никуда не уйду без Коти!

– Да, да, – пробормотал папа. – Мы никуда не уйдём без Коти.

На улице загрохотала пулемётная очередь.

5

Когда повозка, запряжённая парой серых в яблоках лошадей, отъехала подальше от станции, где с грохотом и огнем рвались снаряды, Котя посмотрел на своего спасителя. Фуражка со звёздочкой была низко надвинута на глаза. Ящечкин был спокоен. Словно ничего особенного не произошло.

– Это наши бьют по белым? – спросил Котя.

– Кто его знает, – нехотя отозвался Ящечкин. – То ли наши по белым, то ли белые по нашим. Взрывы у всех одинаковые.

Постепенно неразговорчивый Ящечкин как бы оттаял, стал более общительным и сам спросил мальчика:

– Ты-то как на фронт попал?

– Из-за тётушки, – ответил мальчик. – Тётушка не захотела меня оставить у себя.

Вот и пришлось меня взять... А вы знаете, что аэропланам нужна касторка?

– Скажешь тоже! – буркнул Ящечкин и замолчал надолго.

– Вы смотрели спектакль? – спросил Котя, чтобы как-то нарушить молчание.

– Смотрел.

– Видали, мальчик размахивал трёхцветным флагом? (Ящечкин кивнул.) Так это – я!

– Я знаю, – ответил красноармеец и едва заметно улыбнулся.

– Ящечкин, я про Вас напишу стихи. Честное благородное! – вдруг сказал Котя. – Как Вы спасли меня.

– Нешто про такое пишут? – Красноармеец покачал головой. – Если про каждого писать стихами, стихов не хватит.

– Хватит! – уверенно сказал Котя.

В это время раздался треск, скрип, и повозка резко наклонилась набок. Котя еле удержался на козлах.

Ящечкин ловко спрыгнул на землю и стал рассматривать повреждение.

– Приехали, – певуче сказал он. – Обод лопнул.

– Что же будем делать? – спросил мальчик, осторожно спускаясь на землю.

– Ночевать будем. Утро вечера мудренее.

Ящечкин распряг лошадей и, ловко стреножив, отпустил их пастись. Потом расстелил под развесистой липой шинель и велел Коте ложиться.

– А Вы? – спросил мальчик. – Нам всем места хватит.

– Спи, – сказал боец. – Мне бодрствовать – дело привычное. А сморит сон, я и сидя посплю. Солдат спит, а служба идёт...

– Куда идёт служба? – спросил мальчик, ложась на расстеленную шинель и подкладывая руки под голову.

– К дому идёт служба, – ответил солдат и сел с краю, зажав между ног винтовку. – Идёт, идёт и никак не может прийти.

– Почему? – спросил Котя.

– Война долго длится.

Некоторое время мальчик лежал молча, с открытыми глазами. Над ним распростерлось звёздное небо – тёмное поле с жёлтыми цветами. Когда звезда падала, казалось, что кто-то срывает цветок.

– Ящечкин, а вы любите воевать? – неожиданно спросил мальчик.

– Не-ет, – ответил пожилой боец.

– Чего же вы воюете?

– Питер защищать нужно. Воевать никто не любит... Я траву люблю косить.

– А генералы любят воевать? – спросил мальчик.

– Кто их знает, генералов. Я их только издали видал... Ты спи, спи.

Но Коте не спалось. События сегодняшнего дня ошеломили его. Он никак не мог прийти в себя. Перед глазами снова и снова возникали страшные видения войны. Разрывы. Отблески пожара. Стоны раненых. Ржание испуганных коней. И фургон Героического рабочего театра, освещённый вспышками разрывов. Неужели весь театр умчался и папа с мамой бросили его одного на пылающей привокзальной площади?!

– Ящечкин, а Вы могли бы встать и пойти на белых? – спросил мальчик, приподнявшись на локте. – В Вас стреляют, а Вы идёте. Вперёд. Но если Вас убьют, то больше никого, никого не убьют. И война кончится. Победа!

– Спи, – сказал боец, видимо не зная, как ответить на эту фантазию мальчика. – Спи и не думай.

– А разве можно заставить себя не думать? – спросил мальчик и, не получив ответа, больше уже не приставал к своему спутнику с расспросами. Тем более, что усталость начинала брать своё. Он закрыл глаза.

Ящечкин оглянулся и прикрыл мальчика краешком шинели. «А ведь малый прав. Каждый, кто идёт вперед под пули, приближает победу. Только одним солдатом тут не обойдёшься...»

Коте снилось огромное поле, на котором лежат раненые и убитые. И по полю медленно идёт мама с кувшином и даёт напиться тем, кто просит. На громоздкой серой кобыле появляется папа и кричит:

«Ты, Ксаночка, пои только красных!»

А мама отвечает:

«Белые тоже хотят пить».

«Они хотят Питер!» – говорит папа.

«Они уже ничего не хотят, – отвечает мама, – только пить. Только пить...»

И ещё Коте снится, что он тоже лежит на этом поле, закрытый шинелью, которая колет щёку, и громко кричит:

«Мама, я тоже хочу пить!»

Но мама не слышит его голоса. И не видит его. И проходит мимо.

Проснулся Котя оттого, что кто-то сильно тряс его за плечо. Он открыл глаза: перед ним стоял боец, только не Ящечкин, а другой.

– Это что у тебя за флаг? – спросил незнакомый боец.

– Где Ящечкин? – вместо ответа спросил Котя.

– Что у тебя за флаг, спрашиваю?

Котя встал на ноги, огляделся. Он увидел Ящечкина – без винтовки, руки за спиной.

– Это французский флаг! – ответил Котя.

– Слышь, Хвилиппов, – сказал незнакомый боец другому бойцу, хранцузский! (Вместо «ф» он говорил «х».) Интервенты, значит.

– Да русские мы! Красные! – угрюмо произнес Ящечкин. – Разве я похож на интервента?

– На кого ты похож – разберёмся.

– Красные мы! – крикнул Котя.

– Молчи, барчук. Пшли на батарею. Хранцузы!..

6

Большой театральный фургон, на котором красовались пятиконечные звёзды и горели слова «Смерть Юденичу!», мчался по просёлочной дороге, переваливаясь с боку на бок и подпрыгивая на ухабах. Сидя на козлах, Котин приятель Икар подгонял лошадей. Уже грохот боя остался далеко позади, а Икар всё не давал коням отдыха. Можно было подумать, что он крепко перетрусил и мчится куда глаза глядят, только бы подалее от боя.

Не захватил Икар и своих товарищей по театру. Бросил их на горящем вокзале.

Однако Икар не был трусом. Он не обратился в бегство, а, напротив, спешил к своей цели. Этой ненастной ночью, бросив фронтовой театр, он пробирался в деревню Панево, где на сеновале скрывался его брат – белый военлёт поручик Воронов, сбитый красными.

Икар решил разыскать раненого брата и увезти его под прикрытием красных звёзд в безопасное место. «Только бы найти его! Только бы успеть!» – думал Икар. Ведь попадись Виктор в руки красных, не будет ему пощады.

Уже светало, когда по правую сторону дороги стали вырисовываться избы. Деревня казалась заброшенной, вымершей. Во многих домах окна были заколочены. Видимо, их хозяева или воевали, или подались подалее от тревожной прифронтовой зоны.

Теперь фургон уже не мчался, а медленно двигался по деревне. Где здесь затаился брат? На каком сеновале? А может быть его уже здесь нет? Икар натянул вожжи. Лошади встали. Юноша поднялся на козлах. Огляделся. Прислушался. Звуки боя замерли, словно война откатилась далеко-далеко. В предутренней тишине запела какая-то ранняя, пробудившаяся птаха. Её голос был слабым и трепетным, как пламя свечи. Икар слушал эту трель, как бы доносящуюся из далёкого детства. Неожиданно кто-то сухо закашлял. Икар повернулся на звук. Кашель долетал откуда-то не из дома, скорее всего – с огорода.

Икар бросил поводья и соскочил на землю. Кашель смолк. Но юноша успел определить направление. Он прошел мимо пустого заколоченного дома. За домом, на огороде, стоял какой-то сарай. Икар шёл медленно. Густая роса мочила ботинки. Он дошел до сарая и опасно приоткрыл ворота. Они заскрипели резко, словно кто-то провел гвоздем по стеклу. И сразу на юношу пахнуло тёплым санным духом.

– Стой! Ни с места! Буду стрелять! – Хриплый оклик заставил Икара вздрогнуть и замереть.

«Засада! – мелькнуло в сознании юноши. – Всё пропало!»

Ошеломлённый неожиданным угрожающим окриком, Икар забыл, зачем он шёл сюда. Он стоял, напряженно вглядываясь в глубь сарая, стараясь понять, кто угрожает ему оружием.

– Тебе что надо? Зачем сюда пришел? – снова зазвучал голос. – Если ты не один, учти, у меня есть граната!

– Я один, – сказал Икар.

Человек закашлялся. Потом сплюнул и сказал:

– Повернись к свету!

Его слова прозвучали как приказ, которого нельзя было ослушаться.

Икар повернулся. Теперь он впервые подумал о том, что хорошо бы резко прыгнуть в сторону и убежать. Трава высокая. Рядом дом. А за ним – фургон. Заржали кони. Они как бы звали Икара. Он уже напрягся для прыжка, как вдруг из глубины сарая послышался смех. Икар резко повернулся.

– Андрюшка! Брат! А я тебя принял чёрт знает за кого!

– Виктор! – удивлённо пробормотал Икар, делая ударение на последний слог. – Ты?

В следующее мгновение братья обнимались в полутёмном сарае.

– Это хорошо, что ты нашёл меня! Я тут совсем погибаюсь!

Икар не видел лица брата. Но теперь он узнавал его голос, различимый сквозь простудную хрипоту. И ещё здорово кололась щетина, которой зарос брат.

– Ты колешься! – сказал Икар.

– Пять дней не брился! Меня тут одна сердобольная старушка кормит. Но не бреет, – засмеялся Виктор.

На него, раненного, усталого, затравленного, вдруг нашло веселье, как будто с появлением брата жизнь вошла в обычное русло.

– Я получил твою записку, – рассказывал Андрей, стараясь разглядеть лицо брата. – Полковник Лекарев отругал меня и велел доставить касторку для аэропланов. В общем, послал меня к чёрту. Я решил действовать сам... У меня здесь лошади.

– Курить у тебя найдётся?

Вместо ответа Икар быстро достал из кармана пачку папирос «Дюшес». И брат закурил жадно, торопливо. Словно он не курил, а утолял жажду.

– Это хорошо ты придумал, что приехал сам, – сказал Виктор. – С тобой мы не пропадём. Откуда лошади?

Икар тихо засмеялся и сказал:

– Я рабочий сцены и одновременно конюх и кучер Героического рабочего театра.

– Мы артисты – наше место в буфете! – воскликнул Виктор и снова засмеялся. – Но потом вдруг смех оборвался новым приступом кашля. – Я тут здорово простыл, – сказал, откашлявшись, Виктор. – Подхватил этакую деревенскую инфлуэнцию... Ты не заметил в поле аэроплана?

– Нет, – ответил Икар, – я же ехал в темноте.

– Он должен быть здесь, – сказал Виктор. – Если бы они подняли его в воздух, я бы услышал. Я внимательно слушал... Может быть, они запрягли в аэроплан лошадей? Голь на выдумки хитра. Ха-ха...

– Как твоя рана? – спросил Икар.

– Терпимо. Пулевое ранение в икру навывлет. Кость, кажется, не задело... Ты сейчас же езжай в разведку. Машина моя в порядке, заправлена. Мы сможем поднять её в воздух и – адью... Героический рабочий театр!

Уже развиднелось. В сарае тоже стало светлей. И Икар наконец увидел лицо своего старшего брата. Заросшее щетиной, с ввалившимися глазами, оно казалось чужим, незнакомым, и только шрам над бровью как бы подтверждал, что это он, брат Виктор.

– Я, пожалуй, поеду с тобой, – вдруг сказал Виктор. – У меня тут есть костыль... А полковник Лекарев – порядочная дрянь. Вернёмся в Питер – угостим его касторкой.

Братья посмеялись над полковником. Потом Икар подставил плечо, и Виктор, опираясь на плечо брата и на костыль, заковылял по огороду к фургону.

– Ты лошадей поил, конюх? – спросил по дороге Виктор.

– Не до водопоя, – ответил Икар.

– Надо напоить. Они уже остыли. И наноси в фургон побольше сена.

– Для лошадей?

– И для меня, – сказал Виктор. – А то по этим дорогам... с раненой ногой...

И снова фургон с красными звёздами, переваливаясь с боку на бок, покатило по размытой дождём прифронтовой дороге.

7

Гаубичная батарея стояла на пригорке, неподалёку от осинника, который успел пожелтеть и в лучах утреннего солнца трепетал легкой золотистой листвой. Четыре орудия с короткими, запрокинутыми вверх стволами стояли в ряд. Окрашенные в цвет жухлой травы орудия казались мирными, не имеющими отношения к войне, а скорее принадлежащими к природе. Неподалёку от них, сзади, стояли зарядные ящики с боевыми выстрелами.

Пленных привели к командиру.

– Кто такие? – строго спросил командир, разглядывая красноармейца и мальчика.

Красноармеец ничего особенного собой не представлял. Мальчик же, одетый в белую рубаху и синие шаровары, в красном фригийском колпаке, с трёхцветным французским знаменем, выглядел странно, подозрительно.

– Я – красноармеец Ящечкин, – ответил боец, вынимая из кармана документ. – А малой – из революционного театра.

– Из какого еще театра? Здесь война и никаких театров нет! – категорически сказал командир.

– Есть театр, – твердо сказал Котя. – Мы выступали на станции...

– Станция занята белыми, – спокойно сказал командир. – Выходит, вы из театра, да не из нашего.

– Из нашего! – заволновался Котя. – Честное благородное, из нашего! Хотите, я вам покажу?

– Нечего показывать! – отрезал командир. – В штабе полка будете давать показания. Артисты!

В это время рядом с командиром оказался человек в кожаной куртке и в шлеме. Пожевывая травинку, он слушал разговор командира с пленными. И решил вмешаться в их разговор.

– Пусть покажут, – сказал он. – Мы и увидим, для кого играет театр: для красных или для белых.

– Я покажу! – сказал Котя.

Командир сдвинул фуражку на глаза.

– Ладно, военлёт! – сказал он человеку в кожаной куртке. – Пусть покажут.

Котя подхватил свое знамя и отошёл в сторонку.

– А ты что стоишь? – обратился командир к Ящечкину. – Давай тоже.

– Не артист я, а артиллерист, – хмуро сказал Ящечкин, продолжая стоять на месте.
– Артиллеристы находятся при орудиях, а не путешествуют по горам и долам, – недружелюбно сказал командир и отвернулся от растерянного Ящечкина.

А Котя уже развернул трёхцветное знамя. И громко, словно находился не на опушке леса, а в большом зале, начал:

– Мы вам покажем спектакль из французской жизни. Восставшие санкюлоты, то есть пролетарии, штурмуют королевскую тюрьму Бастилию. Мой папа, держа в руке старинное кремневое ружье, говорит:

Мы ждём подкрепления.

Победа за нами!

Пусть мальчик поднимет

Трёхцветное знамя!

Но моя мама не согласна. Она стоит на сцене с двумя пистолетами.

Как можно ребёнка

Поставить под пули?

Не дремлют стрелки

Короля в карауле.

Котя читал стихи. Показывал, рассказывал. Он один играл за целый театр. Привлечённые неожиданным представлением, артиллеристы столпились вокруг мальчика. А его голос, похожий на мамин, звучал громко, чуть напевно:

Пусть знамя народа

На площади реет.

В ребенка стрелять

И король не посмеет!

Он играл, маленький артист Героического рабочего театра, а в это время в осиннике появился конный разъезд белых. Ротмистр, худой, горбоносый офицер, поднес к глазам бинокль, и то, что он увидел, поразило его.

Орудия стояли на огневой позиции без прислуги. Весь же личный состав красной батареи окружил мальчика, который почему-то размахивал французским флагом. Некоторое время ротмистр рассматривал это странное зрелище, соображая, что бы это могло значить. Потом оторвал от глаз бинокль и, повернувшись к солдатам, тихо сказал:

– Приготовиться к атаке. Мы сейчас захватим красную батарею голыми руками! Только тихо. Тихо!

А на батарее шел спектакль. И никто не видел, как за зеленоватыми стволами осин появился вражеский разъезд. Никто, кроме Ящечкина.

Старый боец подошёл к командиру батареи и что-то шепнул ему на ухо. Глаза командира сузились, и он сразу насторожился.

Стараясь не перебивать Котю, он сказал:

– Играй, артист, играй. Размахивай знаменем. Там, в роще, белые. Хотят застать нас врасплох. По команде – все расчёты к орудиям и огонь по белым. Но пусть они подойдут поближе. Играй, артист, играй!

И тогда Котя крикнул:

На гребень забраться

Ему помогите!

Смотрите.

Он держится смело

Смотрите!

С этими словами мальчик подбежал к ближайшему орудию и, ловко забравшись на лафет, замахал флагом. А наводчик под его прикрытием уже наводил орудие на золотистый осинник, и в руках у заряжающего медью сверкнул заряд.

– Заряжай! – тихо скомандовал командир. – Шнур натянуть!

Маленький артист продолжал спектакль. Он играл свободно и бесстрашно, словно рядом не было белых, готовых атаковать красную батарею.

– Гремят барабаны. Вам, бам, бам! Стреляют ружья. Все подбрасывают шапки. А мой папа, размахивая кремневым ружьём, кричит:

Ударьте, ребята.

По лбам барабанов

Республике – слава!

На плаху – тиранов!

И в это время из осинника выскочили белые конники. Впереди, сверкая узкой полосой сабли, мчался ротмистр. За ним – весь разъезд.

– Прыгай, парень, в сторону! – крикнул Коте командир.

И едва Котя успел соскочить с лафета, как раздалась команда: «Огонь!» Грохот оглушил мальчика. А мимо него уже бежали к своим орудиям остальные артиллеристы.

– Картечью... Прицел... Трубка... Огонь!

Звучали слова команды, и, заглушая их, гремели выстрелы. А в поле перед золотым осинником метались растерянные кони и вырастали чёрные кусты разрывов.

– Огонь! Огонь!

Вечером в расположение батареи привезли бочку бензина для заправки аэроплана. Вместе с бензином военлёт Семёнов получил приказ: утром следующего дня вылететь в район боев на трофейном аэроплане и произвести бомбометание.

Весь день он провел около аэроплана, тщательно исследовал его и даже с помощью двух красноармейцев завел двигатель. Аэроплан был исправен и готов к боевому вылету. Это радовало военлёта Семенова.

Но не только он радовался исправности аэроплана.

– Он завёлся! Он в порядке! Отлично, – радостно шептал брату Виктор, слушая, как яростно стрекочет ожившая машина. Братья наблюдали за аэропланом из фургона, который загнали в кустарник и сверху прикрыли ольховыми ветками. – Завтра, едва рассветет, мы полетим. Снимем часового. И – адью, красные!

Виктор был радостно возбуждён. Единственно, что его озадачивало, хватит ли в баке бензина, чтобы дотянуть до аэродрома. Когда же вечером к аэроплану подъехала телега с бочкой, Виктор сказал брату:

– Благодарю бога. Мы спасены!

Этот день был для братьев тревожным. Начался он хорошо. Братья встретились и, несмотря на все невзгоды, почувствовали себя счастливыми. Но затем события развернулись так, что оба чуть было не попали в плен. Это случилось, когда разъезд белых атаковал батарею.

Когда Яшечкин заметил между стволов осинника незнакомых всадников и тихо доложил об этом командиру батареи, Виктор тоже увидел их.

– Смотри, смотри! – сказал он брату. – Это наши. Они крадутся к батарее. Мы можем помочь им. Ударим с тыла. У меня есть гранаты...

Икар уже натянул поводья, чтобы вылететь на своей колеснице из укрытия, как вдруг тишина солнечного утра была вдребезги разбита орудийными выстрелами.

– Лопухи! – выругался Виктор. – Плохо маскировались. Сами влипли и нас чуть было не поставили под удар... Скорей бы прошёл день. На рассвете полетим...

Котя обладал способностью легко сходитьсь с людьми. И, встретив на батарее настоящего военлёта, Котя тут же потянулся к нему.

– У меня есть приятель, который поднял в воздух аэроплан с комендантского аэродрома, – сказал он военлёту Семёнову.

– Авиатор?

– Нет, он тогда был гимназистом. О нём в газете писали.

– Что-то не слышал про этого гимназиста, – ответил Коте военлёт. – Я тогда на фронте был...

– Вы знали капитана Нестерова? – тут же поинтересовался Котя.

– Не имел чести, но был наслышан о нём, – ответил авиатор. Геройский человек! А ты, значит, будущий артист. Я смотрел твоё выступление. У тебя талант.

– Нет, – ответил мальчик, – я не буду артистом... Я буду авиатором. Как вы.

– Вот как! – произнес военлёт.

– Я написал стихи о красном авиаторе. Хотите, прочитаю?

– С удовольствием, – ответил военлёт Семёнов.

Котя заложил руки за спину, посмотрел в глаза своему единственному слушателю и стал читать:

Смелый красный авиатор

В бой ведёт аэроплан.

В этот бой его послали

Пролетарии всех стран.

На его аэроплане

Звёзды красные горят.

Белым толстым генералам

Но отдаст он Петроград.

У него в кабине бомбы.

А в руке зажат наган.

Он ведёт корабль воздушный.

Как бесстрашный капитан...

– Всё, – сказал Котя и опустил глаза.

– Так ты ещё и недурной поэт! – воскликнул военлёт Семёнов. – Как же попал на фронт?

– Тётушка не согласилась оставить меня. А бабушки у меня нет.

– Вот ведь как жизнь складывается! – отвечая своим мыслям, воскликнул военлёт. – Попал на фронт. И не сдрейфил. Ведь ты сегодня участвовал в настоящем бою.

– А вы не прокатите меня на аэроплане? – вдруг вкрадчиво спросил Котя.

– Обязательно, – ответил военлёт Семёнов. – Завтра слетаю на боевое задание, вернусь и прокачу!

– Утром приду вас провожать, – сказал Котя. – Я не просплю. И встречать буду.

В это время к ним подошел Ящечкин.

– Ты здесь? А я тебя ищу повсюду. Обедать пора.

– Спасибо, я не хочу, – сказал было Котя, но Ящечкин замотал головой.

– Никаких разговоров. В армии порядок общий. Раз обед – значит, все хотят есть.

Котя вопросительно посмотрел на военлёта Семёнова. Тот улыбнулся и развел руками: мол, ничего не попишешь.

– А вы пойдёте обедать? – спросил мальчик военлёта.

– Обязательно.

Полевая кухня расположилась у крайней избы. На двух колёсах дымился большой котел с трубой. И к этому котлу выстроилась очередь бойцов. Котя встал в очередь, а Ящечкин куда-то отлучился и вскоре вернулся с котелком и ложкой.

– Бери ложку, бери бак, – сказал он весело.

– А вы?

– У меня тоже есть, – ответил боец и показал Коте второй котелок, ложку же он вынул из-за голенища сапога, где у солдата всегда хранится ложка.

Повар в белом колпаке, похожем на облако пара, большой ложкой, «разводящей», подцепил из котла густые дымящиеся щи и вылил в Котин котелок.

– Ой, много! – воскликнул Котя.

– Сколько положено, – спокойно сказал повар и протянул Коте пайку хлеба.

Котя и Ящечкин расположились в сторонке, прямо на траве, и начали обедать. Щи оказались очень вкусными, тем более что мальчик со вчерашнего дня ничего не ел. Он ел с аппетитом.

– Вкусно? – спросил Ящечкин.

– Вкусно.

– Ешь на здоровье. А ты почему без хлеба?

– Я маме отнесу... хлеб.

Ящечкин сочувственно посмотрел на мальчика, но сказал:

– Ешь с хлебом. Маме тоже дадут. На фронте всем дают поровну... Ты небось к мамке хочешь? Сколько ребятшек хотят к мамкам, к тяткам, а война не пускает. Будь она неладна!

Котя опустил голову. Воспоминания о маме омрачили его. Даже ароматные солдатские щи утратили свою прелесть. Ящечкин ел и исподлобья глядел на Котю. Он думал, как бы утешить мальчика. И вдруг полез в карман и достал оттуда свернутый улиткой новенький солдатский ремень.

– Держи! Это тебе!

Котя просиял:

– А как же вы?

– Это запасной. У солдата всегда должен быть запас.

– Для друга запас? – спросил Котя.

– Для друга.

Котя занялся подарком и отвлёкся от трудных мыслей.

8

Котя проснулся среди ночи и никак не мог понять, где он. Словно заблудился во сне и попал в какое-то тёмное, незнакомое место. Под ним вздрагивал пол, а стёкла мелко дрожали. Он опасливо открыл глаза. Раздавался тяжёлый грохот, в тёмных окнах время от времени возникали огненные всполохи, и стекло становилось красным. При этом коротком тревожном свете в углу мерцал медный умывальник, похожий на старинный шлем. Когда же вспышки исчезали, окна снова заливала тьма.

Котя сел и, услышав, как зашуршало сено, вспомнил, что лежит на полу. Вспомнил, что вечером Ящечкин уложил его спать в избе. Принёс откуда-то охапку пахучего сена и уложил, а сверху накрыл своей шинелью. Здесь же, в избе, устроились на ночлег военлёт Семёнов и ещё несколько бойцов.

«Кто это стреляет? – подумал мальчик. – Может быть, белые? Те самые белые, которые открыли огонь по вокзалу, когда там шёл спектакль? Может быть, батарея отбивается от белых? А если не отобьётся? – Коте стало не по себе. – Где же Ящечкин?»

Снова грохнуло. Снова стекло стало красным. При свете этой вспышки Котя огляделся и увидел Ящечкина. Старый боец спокойно спал, свернувшись калачиком. Ему, наверное, было холодно в одной гимнастёрке. Увидев, что Ящечкин рядом. Котя успокоился. Он взбил сено и лёг, при этом прикрыл своего друга краешком шинели.

Котя долго не мог уснуть. Теперь он думал о папе и маме. Где они? Ведь станцию заняли белые. Может быть, их ранило? Или они попали в лапы контрразведки Юденича? Потом мальчик вспомнил мчащийся фургон, бледное, неподвижное лицо Икара. Он спешил, потому что спасал артистов Героического рабочего театра. Увёз их в безопасное место, а Котю оставил на пылающей привокзальной площади.

Котя уснул так же неожиданно, как и проснулся. Исчезли красные стёкла, медный шлем, спящие на полу бойцы...

Когда же он снова открыл глаза, стрельба прекратилась. В окнах стоял мутный расцвет. Котя приподнялся и прислушался. И вдруг до его слуха донёсся дробный рокот мотора. «Аэроплан! – подумал мальчик. – Он улетает. Я обещал его проводить...» Котя поднялся, стряхнул с себя сено и на цыпочках направился к двери, держа за шнурки ботинки.

Утренняя прохлада сразу разогнала остатки сна. Аэроплан тарахтел где-то близко, за домами. Мальчик проворно обулся, шнуруя ботинки через дырочку, и побежал.

Он бежал огородами. Гулкий, отрывистый звук подгонял его. Уже кончилась деревня, и Котя увидел полянку, на которой стоял аэроплан. Пропеллер вертелся так быстро, что перед аэропланом возник прозрачный круг. На другой стороне полянки Котя увидел знакомый театральный фургон с красными звёздами. Котя очень удивился: «Неужели наши приехали?» – но задерживаться не стал, побежал дальше.

Ящечкин проснулся от скрипа двери. Не открывая глаз, протянул руку в правую сторону: Котино место было пусто. Сон как рукой сняло, боец вскочил на ноги. И только тут до его слуха донёсся дробный стрекот аэроплана. «Значит, Котя убежал вместе с военлётом Семёновым!» – смекнул боец и почти в ту же минуту увидел, что военлёт Семёнов спит, закрывшись с головой кожаной курткой.

«Тут что-то неладно!» – подумал Ящечкин и стал будить военлёта.

– Военлёт, вставай! Слышь! Твой аэроплан улетел! – крикнул он и, подхватив винтовку, бросился к двери.

А Котя тем временем добежал до полянки, где стоял готовый к отлету аэроплан, и остановился, не зная, что делать дальше. Ведь выбегать на «лётное поле» не полагалось.

Котя замахал рукой и крикнул: «Я пришёл, я не проспал!» – но его голос затерялся в грохоте мотора.

Некоторое время мальчик стоял, внимательно разглядывая аэроплан. Пропеллер вращался, крылья вздрагивали, однако аэроплан не взлетал, Котя заметил, что он не взлетает потому, что кто-то держит его двумя руками, вцепившись в хвост. Это был... Икар! Так вот почему на краю поля стоит театральный фургон! Икар приехал и не даёт аэроплану взлететь. Почему?

В это время за спиной мальчика раздался винтовочный выстрел. Котя оглянулся и увидел бегущего Ящечкина. Это он стрелял в аэроплан и кричал: \

– Стой! Стой, стрелять буду!

И стрелял.

Почему Ящечкин стрелял в военлёта Семёнова? Почему Икар вцепился в хвостовое оперение аэроплана и не даёт ему взлететь? В следующее мгновение Котя увидел самого военлёта, только не в кабине аэроплана, а бегущим с наганом в руке. Кто же тогда сидит в кабине? Мысли метались в голове мальчика. А Ящечкин уже подбежал к машине:

– Стой! Глуши машину! Руки вверх!..

В это время что-то сверкнуло, грохнуло, задымило... Ящечкин упал в траву. Икар тоже выпустил хвост аэроплана и схватился руками за голову. Аэроплан вздрогнул и, подпрыгивая на бугорках, побежал по полю. Он удирал трусливо и дерзко. Напрасно военлёт Семёнов бежал сзади и стрелял из нагана. Возле кустарника машина оторвалась от земли и стала углубляться в небо, оставляя за собой дымный след.

Котя вышел из оцепенения и бросился к Ящечкину. Икар стоял в стороне, держась за голову.

Мальчик опустился на колени перед лежащим неподвижно бойцом. Фуражка со звёздочкой валялась в траве, волосы потемнели от крови.

– Ящечкин! Только не умирайте, Ящечкин!

Слёзы застилали глаза мальчика. Ему казалось, что он теряет бесконечно близкого человека, который был рядом с ним всю жизнь.

Заботился о нём. Спасал, когда ему угрожала опасность.

– Ящечкин, только не умирайте!

Раненый боец открыл глаза и снова закрыл их. Этим коротким взглядом он как бы успокаивал своего маленького друга.

Появился санитар, сделал перевязку. Раненого положили на сено в фургон Героического рабочего театра.

Держась за голову, к Коте подошёл Икар.

– Котя, я за вами... Я хотел задержать аэроплан... там белый. Он бросил гранату... У меня голова разламывается... Я за вами, вот фургон... – Он был бледен и морщился от боли.

– Вы знаете этого молодого человека? – спросил военлет Семёнов.

– Да... – рассеянно ответил Котя, – знаю... Он – конюх в театре... \

Военлёт пожал плечами.

– Не знал, что в театрах есть конюхи... А часового убили сзади, ножом... Кто-то помогал белому пилоту.

9

На Петроградском фронте шли напряжённые бои. Не было дня, чтобы землю не сотрясали разрывы снарядов. А по ночному небу плыли красные облака их, окрашивали в красный цвет горящие деревни.

По дорогам, ведущим в город, медленно двигались фураны с большими санитарными крестами на брезенте. В Петроград увозили раненых красноармейцев. В одном ряду с санитарными фуранами ехал необычный, разрисованный красными звёздами фургон Героического рабочего театра. Но хотя на нём и не было красных крестов, внутри на сене лежали двое раненых: Ящечкин и Икар.

Красноармеец находился в полузабытьи и только, когда фургон встряхивало на ухабе, тихо стонал. А потом затихал снова. Лежавший рядом с ним юноша был контужен взрывом гранаты и мучился головной болью. Но ещё сильнее его мучило сознание, что Виктор предал его. Узнав о том, что брат в беде, он, Икар, не думая об опасности, поехал с красными на фронт, в первую же тревожную ночь сбежал от них вместе с

краснозвёздным фургоном. Помог снять часового... Держал аэроплан за хвост, чтобы можно было хорошо прогреть двигатель. Когда же появился этот сейчас лежащий рядом с ним в фургоне солдат, брат швырнул гранату и улетел один. Он мог убить и младшего брата этой гранатой, мог тяжело ранить. Но это не остановило поручика Воронова. Красные могли догадаться, что Икар – белый, и на месте, без суда и следствия пустить ему пулю в лоб. Хорошо, что здесь оказался Котя – этот славный мальчик из хорошей артистической семьи. Иначе бы крышка!

Икар повернулся на другой бок и застонал, но не от боли, а от обиды.

Что же будет дальше, когда его вместе с раненым бойцом привезут в Петроград? Ведь ему ещё придётся держать ответ перед Николаем Леонидовичем за похищенный фургон.

Котя сидел снаружи фургона на козлах, рядом с красноармейцем, которому поручили довести раненых до ближайшего госпиталя, а Котю сдать на руки родителям.

Мальчик был подавлен происшедшим. Ведь оба его новых военных друга ранены, страдают, а о судьбе папы и мамы ничего не известно.

И тогда Котя стал сочинять стихотворение про Ящечкина. Ему казалось, что если он сочинит стихи, то другу станет легче. Эта мысль подогревала мальчика. Колёса, гремящие по камням мощёной дороги, подсказывали ему стихотворный ритм: та-ра-та-ра, та-ра-ра...

Жил Ящечкин отважный,

Товарищ боевой.

На третьей батарее

Сражался как герой.

– Ты чего? – спросил молоденький красноармеец, временный возница фургона.

– Это стихи, – сказал Котя, – про моего друга. Которого ранили...

Он шёл под пули смело,

От страха не робел.

Из пушки бил по белым,

Снарядов не жалел.

Молоденький красноармеец широко раскрытыми глазами смотрел на Котю. Мальчик замолчал. Задумался.

Та-ра-та-ра... та-ра-ра... – отбивали колёса фургона.

Свинец горячий, вражий

В бою в него попал.

И Ящечкин отважный

Как скошенный упал...

Красноармеец всё не спускал глаз с Коти. Сам же Ящечкин не слышал стихов, только что сложенных про него маленьким другом. Зато их слышал Икар. Он слушал стихи и в какое-то мгновение позавидовал раненому солдату, лежащему рядом на сене. «Про него слагают стихи, – думал Икар, – потому что он никому не изменял, выполнял свой долг. Он в фургоне, как в колеснице победителя, а я еду бесславно, преданный братом! И никаких стихов!»

Икар поднялся. Огляделся. Тихо выбрался из фургона. Некоторое время он шёл за фургоном. Потом подался вправо. Перемахнул через канаву и скрылся в лесу.

Никто не заметил его исчезновения.

В это время Котя сочинил ещё одно четверостишие:

Гремела канонада,

А Ящечкин лежал.
В руке держал винтовку
И руку не разжал.

Когда фургон приблизился к станции, утром освобождённой от белых, Коте показалось, что прошло очень много времени. Может быть, год. Столько он успел пережить за минувшие два дня, так много изменилось в нём.

Площадь перед вокзалом была изрыта снарядами. Деревья обгорели. Да и само здание выглядело, как после пожара. Стёкла в окнах были выбиты. На стенах чернели зализы пламени. Над входом в вокзал развевался белый флаг с красным крестом. Здесь был создан эвакогоспиталь. Глядя на все это, трудно было поверить, что два дня назад вокзал был театром и здесь показывали спектакль, гремели одобрительные хлопки зрителей.

Фургон остановился. Котя спрыгнул на землю. Заглянул внутрь. Ящечкин лежал один. Икара не было. Куда он делся? Может быть, его выкрали белые лазутчики? А может быть...

В это время послышался мамин голос:

– Котя! Мальчик мой! Ты жив? Котя!

Маленький артист оглянулся и увидел маму. Она бежала через площадь к фургону.

– Я как увидела фургон – сразу решила, что ты здесь!

10

В солнечный апрельский день замкового третьей бригады Ящечкина выписывали из госпиталя. Ему принесли гимнастёрку, брюки, высокие стоптанные сапоги и шинель, терпеливо ждавшие своего хозяина в лазаретной каптёрке.

Ящечкин натянул на себя старое обмундирование и удивился, что оно висит на нём, словно с чужого плеча. После лёгких туфель-шлепанцев сапоги оказались непомерно тяжёлыми, и каждый шаг сопровождался грохотом.

Ящечкина покачивало от слабости, и когда он неторопливо спускался с лестницы, то крепко держался за перила. Голова кружилась, а в ушах стоял звон. В канцелярии ему сказали:

– Демобилизован вчистую.

– Как так вчистую? – недовольно переспросил боец. – У меня в полку обязанности. Орудие надо переводить на летнюю смазку.

– Никаких орудий! С того света чудом выкарабкался, а ещё подавай ему орудие. Сколько лет провоевал?

– Считаю, шесть лет.

– И не навоевался, – усмехнулся начальник канцелярии. – Поезжай в полк. Сдай оружие. Получи денежное довольствие. И – домой.

Ящечкин молча повернулся, вскинул винтовку за плечо и пошел к выходу.

Весеннее солнце сразу ослепило его, и он некоторое время стоял, зажмурив глаза, свободной рукой держась за стенку дома. Пели птицы. А ветер с Невы пахнул морем. Ящечкин сунул руку в карман шинели и нащупал какую-то записку. Он вынул её и долго разглядывал. Прочитать же не мог, потому что был неграмотным. Так и стоял он с запиской, собираясь попросить прочитать кого-нибудь из прохожих. Смутное чувство подсказывало ему, что записку написал Котя. Котя! Как живет его маленький друг? Вернулся ли в Питер или странствует со своим Героическим рабочим театром? «Сперва я подношу патроны, потом меня убивают...»

Яшечкин стоял у подъезда с запиской в руках и всё не решался подойти к кому-нибудь.

Мимо шла девушка в красном кумачовом платочке, увидела красноармейца с запиской и сама поняла, что человеку надо помочь.

– Вы что, товарищ красноармеец? – спросила она. – У вас затруднение?

– Затруднение, – отозвался Яшечкин. – Прочесть не могу.

– Давайте, я прочту!

Яшечкин нерешительно протянул девушке записку. Она развернула сложенный вдвое листок и стала читать:

– «Дорогой Яшечкин, когда поправитесь, приходите в сад Буфф. Буду ждать вас каждый день с четырёх до пяти. А вот стихотворение. Я обещал...»

Девушка удивленно посмотрела на бойца и стала читать стихотворение:

Жил Яшечкин отважный,

Товарищ боевой

На третьей батарее

Сражался, как герой...

Девушка читала, а боец стоял и, зажмурив глаза, слушал. А когда стихотворение кончилось, поскорее взял листок обратно и уже не выпускал из рук.

– Где этот сад Буфф? – спросил он у «красного платочка».

– Буфф? – Девушка задумалась. – Кажется, на Фонтанке. Это далеко.

– Ничего, время есть, – сказал Яшечкин. – А за чтение спасибо Вам.

Девушка ещё раз посмотрела на бойца, которому было посвящено стихотворение, и зашагала своей дорогой. А Яшечкин отправился искать сад Буфф. Каждый день Котя приходил в сад Буфф в надежде встретить своего боевого друга. Другой бы на его месте давно отчаялся. Ведь времени прошло много, а боец всё не шёл. Может быть, умер от раны? Может быть, вернулся на войну и некогда ему было ходить по всяким Буффам? А может быть, он забыл Котю? Разные сомнения одолевали мальчика. Но каждый день перед спектаклем Котя шёл в сад Буфф. Шёл под осенними дождями. Проторивал дорожку в свежем снегу. Прыгал через лужи, когда стало пригревать весеннее солнце.

Вот и сегодня Котя прошмыгнул в калитку ворот и зашагал по саду. Было тепло. От дорожки шёл пар. Мальчик подставил лицо солнцу и прищурился. Здесь пахло пробуждающейся тёплой землёй. Такой запах редко встретишь в городе. Это запах полей и перелесков. Котя шёл по дорожке, пока не уперся в забор. Здесь сад кончался. А что, интересно, дальше? Котя заметил, что одна доска в заборе отставала. Котя отвел её в сторону и просунул голову в образовавшуюся щель. Там тоже был сад. Только уже другой. В саду стоял жёлтый облезший особнячок, он как бы притаился среди тёмных стволов деревьев. Что в нём?

Котя отвел доску дальше и, легко проскользнув в щель, очутился в соседнем саду. Прячась за стволами деревьев, мальчик приблизился к особняку. Всё окна, кроме одного, были заколочены досками. Видимо, особняк был уже давно покинут хозяевами и стоял, холодный, заброшенный, в ожидании, что кто-нибудь откроет его заново, как Колумб Америку. Котя обошёл здание вокруг – совершил кругосветное путешествие, – потом вернулся и, привстав на цыпочки, заглянул в единственное незабитое окно. Он увидел большую полутёмную комнату, посреди которой горела маленькая чугунная «буржуйка». У огня сидел сутулый человек в шинели и занимался каким-то делом. Котя привстал ещё выше и увидел, что человек чистит оружие. Перед ним лежало две горки револьверов. Он брал револьвер, неторопливо протирал его тряпкой, потом пыжевал

коротким шомполом и, прищуриив глаз, смотрел сквозь ствол на огонь. Чистое оружие человек клал в другую кучку.

Во всем облике этого человека, который, как привидение, поселился в заброшенном доме, было что-то зловещее, недоброе. Некоторое время мальчик наблюдал за его работой. Потом отошёл от окна и, соблюдая предосторожность, вернулся к щели забора. Он ещё раз оглянулся на жёлтый облезший домик, отвёл доску в сторону и тут лицом к лицу столкнулся с Икаром.

– Икар!

– Котя! Вы в Питере?

– Икар, куда вы пропали? Я думал, с вами что-то случилось?

– Целая история! – воскликнул юноша. – Потом расскажу. Как я рад Вас видеть.

– И я Вас часто вспоминал, – сказал Котя.

Так они разговаривали на границе между садом Буфф и садом таинственного особняка.

И вдруг Икар спросил:

– Что вы здесь делаете?

– Послушайте, Икар! Там какой-то человек чистит оружие. Он похож на привидение.

– Вы верите в привидения? – спросил Икар, сияясь улыбнуться.

– Когда привидение чистит револьверы, верю, – ответил мальчик. – Надо немедленно пойти и рассказать... об этом привидении.

– Подождите! – воскликнул Икар, закрывая путь в сад Буфф. – Я сейчас схожу и посмотрю. А Вы ждите меня.

– Хорошо, – согласился Котя.

– Дайте слово, что будете меня ждать.

– Честное благородное... – неуверенно сказал мальчик. – Но зачем Вам ходить? Вас могут убить.

– Ничего. Я осторожно. Ждите меня здесь.

С этими словами он шагнул в сад с заброшенным особняком, а Котя вернулся в Буфф.

– Я пока поиграю в кегли, – сказал он вслед Икару. – Будьте осторожны!

Вместо ответа Икар помахал рукой и зашагал к жёлтому особняку.

Когда Икар подошел к жёлтому домику и заглянул в окно, там никого не было. И «буржуйка», стоящая посреди комнаты, не горела. Может быть, Котя на самом деле видел привидение, которое к приходу его, Икара, исчезло. Юноша ещё раз обошёл особняк, взошел на низкое крыльцо и постучал в дверь. Ему долго не открывали, а он стоял перед дверью и прислушивался.

Неожиданно дверь отворилась, перед ним стоял человек с револьвером в руке. Икар не мог разглядеть его лица, да и не до того ему было, когда пистолет, нацеленный в упор, в любое мгновение мог выстрелить.

– Не стреляйте, – пробормотал юноша, – я свой. Я – юнкер...

И тут произошло то же самое, что полгода тому назад на сеновале в деревне Панево. Тот, кто угрожал ему револьвером, оказался его Виктором.

– Виктор?!

– Тихо, – шёпотом сказал брат. – Заходи быстро и закрой дверь. Тут какой-то тип... ходил.

Икар проделал все, что велел брат. Некоторое время они стояли и молча разглядывали друг друга, словно не были уверены, что они те самые, за кого принимали друг друга.

– Я рад, что ты выбрался из этой истории, – наконец сказал Виктор.

– Ты бросил меня, а сам улетел. Красные могли меня шлёпнуть!

Брат усмехнулся:

– Но ведь не шлёпнули! А если бы я остался? Нас бы наверняка уже не было в живых. Ты должен понять меня правильно.

– Я пытался, – сказал Икар, – ничего у меня не получалось. Уж лучше бы умереть вместе.

– Брось! Это мальчишество. Вместе надо бороться!

Заметно прихрамывая, брат зашагал по комнате. Икар последовал за ним.

– С кем это ты так громко объяснялся у забора? – спросил брат, садясь в тёмный угол.

– Это Котя. Я тебе рассказывал о нём. Мальчик. Артист.

– Артист?

– Ещё он стихи пишет.

Икару очень хотелось, чтобы брат проникся его симпатией к Коте. Доверился ему.

Но тот холодно спросил:

– Он видел меня?

– Да, – ответил Икар. – Понимаешь, он принял тебя за привидение.

– Ладно. Сейчас не до шуток. Он видел оружие?

Икар ответил не сразу. Он хотел соврать брату. Но сказал правду:

– Видел. Но он никому не скажет. Это я беру на себя. Он очень порядочный мальчик. Из хорошей семьи...

– Мы все из хорошей семьи, – мрачно сказал Виктор. – Его надо убрать.

– Он уйдёт, – с готовностью сказал Икар. – Он сейчас уйдёт. Я уведу его.

– Его надо убрать совсем, – жёстко сказал Виктор и разрубил воздух ребром ладони.

– Как... совсем? – Икар всё ещё не понимал, чего от него хочет старший брат.

– Здесь склад оружия. Здесь явка. А этот твой новоявленный Пушкин... Словом, у тебя есть оружие?

Икар покачал головой.

– Зачем оружие?

– Ты юнкер или баба? – забыв о предосторожности, крикнул Виктор и сунул в руку брата револьвер. – На, держи. Уведи его в глухой конец сада. И без рассуждений!

Икар отвернулся. Потом, не поднимая головы, спросил:

– Зачем ты вернулся в Петроград?

– За тобой! – ответил Виктор. – Будем вместе. Вместе мы – сила. Но нас могут пристрелить, как щенков. Пойми это! Иди! Иди! Пока этот вундеркинд не сообщил в ЧК обо мне, а заодно и о тебе. Или ты за это время продался красным?

– Виктор! – Икар резко повернулся к брату. – Уйдём отсюда. Уйдём куда-нибудь подальше.

– Я не дезертир. Я связан словом. Мы ещё зальём Питер кровью. Оружие есть, люди тоже... – Он оборвал свою речь на полуслове и вдруг схватил брата за плечи и с силой потряс его. – Иди! Быстро!

Он буквально вытолкнул брата за дверь. Очутившись на крыльце, Икар, прищурясь, посмотрел на солнце и, вдруг вспомнив, что в руке у него револьвер, проворно сунул его в карман куртки.

Ящечкин шёл по городу. Мимо дворцов, над которыми развевались уже успевшие выгореть и выцвести красные флаги. Мимо львов, каменных и бронзовых, добродушно смотревших на солдата и не боявшихся его винтовки. Он шёл по мостам, ровным и горбатым. Звенел подковками по круглым пористым булыжникам и каменным плитам тротуаров. Винтовка с непривычки оттягивала ему плечо. И боец думал о том, что скоро расстанется с ней и, наверное, будет скучать по этой надёжной тяжести.

В руке у него была зажата Котина записка со стихотворением, которую Ящечкин намеревался хранить долго-долго, чтобы, когда выучится грамоте, прочесть самому. Это очень здорово – обходиться без «красного платочка», водить по бумаге пальцем и читать. Тогда и без ружья будешь чувствовать себя человеком.

У какого-то низкого окошка боец остановился и поглядел на своё отражение, провёл ладонью по подбородку: «Надо бы побриться, а то зарос, как домовый». И снова его подковки зазвенели по каменным плитам. Им бы звенеть чуть почаще, ему бы прибавить шагу. Но боец разнежился на весеннем солнышке.

...Котя наклонился над газоном, где множеством зеленых точек проклюнулась трава, и увидел подснежник. Мальчик обрадовался этому хрупкому голубовато-белому цветку. Хотел сорвать его, да пожалел. «Надо будет завтра перед спектаклем привести сюда маму и показать ей подснежник».

И тут появился Икар. Котя выпрямился, вопросительно посмотрел на приятеля.

– Ну конечно же, нет никаких привидений. Никакого оружия! – стараясь казаться веселым, проговорил Икар.

Но Котя покачал головой:

– Там был человек. Я точно видел. И оружие видел. Много.

– Откуда может быть оружие? Ведь Юденича разбили. Война кончилась.

– На днях белые убили комиссара. На улице, из-за угла, – сказал мальчик. – Значит, война не кончилась. Может быть, этот человек и убил.

– Котя! Я прошу Вас. Забудьте обо всем, что вам... привиделось.

– Я должен пойти рассказать. Это наверняка белый.

Икар был расстроен. Он не знал, что делать, как сломить упорство этого удивительного мальчика. Карман куртки неприятно оттягивал револьвер.

– Зачем это придумали – красные, белые... – пробормотал он.

– Чтобы отличить друзей от врагов, – ответил Котя.

– Разве у Вас есть враги?.. Котя, Вы должны мне дать слово. Поклясться, что никому не расскажете про это... привидение.

Котя покачал головой.

– Ради нашей дружбы!

– Ради дружбы делают только честные дела, – ответил мальчик и собрался уходить.

Но Икар не отпускал его, он всё хотел вырвать у мальчика клятву. Он хотел спасти своего маленького дружка. И так он уже столько раз обманывал его. Ему хотелось вынуть из кармана револьвер и забросить его в Фонтанку. Пусть идёт ко дну.

Но он не мог этого сделать. Он был связан с братом. С его злобой и беспощадностью.

– Котя, я прошу Вас! Котя!

И вдруг послышался слабый треск, доска в заборе отошла в сторону, и перед Котей и Икаром возник худой человек с серым лицом и ввалившимися глазами. Он шёл, прихрамывая, прямо на них. В руке у него был зажат револьвер.

Икар невольно заслонил собой Котю.

– Отойди! – скомандовал Виктор, поднимая руку с оружием.

Тогда Икар повернулся к Коте.

– Котя, я прошу Вас, поклянитесь мне... ему... И все обойдется.

– Отойди! Я дважды не повторю!

Икар отшатнулся в сторону:

– Котя! Котя... прошу!

Котя почувствовал, что сейчас произойдёт что-то страшное. Такое, как там, у деревни Панево, когда белый пилот угонял аэроплан.

Если бы рядом был Ящечкин! В какое-то мгновение мелькнула мысль убежать! Но он понял, что бежать некуда. Он окружен врагами. И тогда он поглубже вздохнул и посмотрел прямо в лицо озлобленному хромоту человеку. Он хотел увидеть его глаза, но увидел только один глаз. Маленький, черный, железный.

Грохочущее пламя обожгло грудь, сердце, лицо. Деревья покачнулись и стали проваливаться в тёмную бездну. И весь мир, с весенним солнцем, с запахом земли, с невской свежестью, опрокинулся и растворился в густой, топкой темноте.

Ящечкин услышал выстрел у входа в сад Буфф. Боец сразу почувствовал что-то недоброе. Привычным движением сорвал с плеча винтовку и побежал вглубь. Бежать ему было трудно. Деревья расплывались в глазах. От слабости солдата качало из стороны в сторону. Он увидел сутулую фигуру в шинели, которая, хромота, поспешно удалялась в глубь сада.

– Стой! – крикнул красноармеец. – Стой, стрелять буду!

Фигура прибавила ходу. И тогда Ящечкин вскинул винтовку, прицелился и выстрелил. Фигура замерла, уперлась в забор руками, словно хотела свалить его, и вдруг медленно стала сползать на землю. И тут боец увидел Котю. Он лежал на земле, словно не погиб, а уснул. Рядом с его щекой рос весенний первоцвет, голубовато-белый подснежник...

11

А театр готовился к спектаклю. В зале уже зажглись тусклые лампы, и публика заполняла места. В театре было прохладно и гардеробом не пользовались, сидели в пальто, в шинелях, в бушлатах.

От дыхания шел пар. И всё-таки здесь был настоящий театр, а не вокзал. Сюда приходили без винтовок, и у подъезда не стоял бронепоезд под парами.

Уже пора было начинать спектакль, но артисты почему-то медлили.

Публика не волновалась: все привыкли к перебоям военного времени. К перебоям с электричеством, с дровами, с хлебом...

В зале говорили вполголоса, и было сравнительно тихо. Зато за кулисами, вдали от сцены, голос Николая Леонидовича звучал в полную силу.

– Это вопиющее безобразие! Вот до чего довела Котю его самостоятельность. Он опаздывает на спектакль. Потомственный артист!

– Он же ребёнок! – пытался урезонить директора бывший артист императорских театров.

– Он артист! У артистов нет возраста! Они служат в театре.

– Коля, что ты говоришь?! – вмешалась в разговор Котина мама. – Он сейчас придёт. Он всегда приходит к спектаклю.

Николай Леонидович тяжело опустился на стул и уже в который раз достал из кармана часы, щелкнул крышкой.

В это время дверь открылась, и в комнату вошёл администратор, подталкивая вперёд мальчика. Мальчишка был рыжий, с большими круглыми глазами, в которых застыли страх и любопытство.

– Вот нашёл мальчика... добровольца. На случай, если Котя задержится!

– Гримируйте мальчика! – скомандовал Николай Леонидович. И, повернувшись к нему, спросил: – Боишься?

– Боюсь! – честно признался артист-доброволец.

– Молодец! – похвалил его Котин папа. – Я, когда в первый раз шёл на сцену, думал – умру от страха.

– А реветь там можно? – совсем тихо спросил мальчик.

– На сцене нельзя. А здесь уже нет времени. Потом поревёшь. Давайте третий звонок!

И он стал объяснять мальчику, что он должен делать на сцене.

Едва отзвенел звонок – сигнал к началу спектакля, – как лампочки в зале зажмурились, потом совсем погасли.

Занавес медленно поплыл влево и вправо. Артисты вышли на сцену.

– Мы вам покажем представление из французской жизни...

И вдруг в зале, в тихом замершем зале, послышались неторопливые, тяжёлые шаги. Зрители невольно оглянулись, а артисты, прикрываясь ладонями, как от бьющего в глаза солнца, тоже стали всматриваться.

По залу в проходе между кресел шёл красноармеец и нёс на руках мальчика.

Сперва в зале подумали, что так полагается по спектаклю. И кто-то даже хлопнул в ладоши. Но в следующее мгновение всех, и зрителей, и артистов, охватило ощущение беды. Потому что красноармеец был настоящий, а у мальчика безжизненно запрокинулась голова и рука повисла.

Это Яшечкин нёс по залу своего маленького погибшего друга. Бойца качало от слабости, от усталости, но он шёл из последних сил, прижимая к шершавой шинели мальчика. Так он дошёл до конца зала и положил Котю, очень осторожно положил, на край сцены.

– Котя!.. – прошептали все, кто был на сцене.

– Котя! – крикнул отец и растерянно обвёл всех взглядом. – Нет, нет! Наверное, нужен врач. Товарищи, – обратился он к зрителям, – среди вас нет ли врача? Мальчику плохо...

А мама уже стояла на коленях у изголовья сына не в силах поверить тому, что случилось.

– Не надо врача, – тихо сказал Яшечкин: – Не успел я...

Больше он ничего не сказал, только поднял тяжёлую руку и стянул с головы фуражку со звёздочкой.

И сразу все, кто был в зале, поднялись с бархатных кресел и стали поспешно снимать кто бескозырку, кто фуражку. А артисты на сцене сняли фригийские колпаки и шляпы, какие простые люди Франции носили во времена революции.

Кто-то подошёл к Коте и накрыл его красным флагом.

И все поняли, что война не кончилась. Война между красными и белыми. Не на жизнь, а на смерть. И Котя был в этой войне бойцом. А у бойцов нет возраста.

Публикуется по: Яковлев, Ю. Был настоящим трубачом : повесть / Ю. Яковлев. – Кишинёв : Литературэ артистикэ, 1987 (<https://www.rulit.me/books/byl-nastoyashchim-trubachom-read-842-1.html>).